

Александр Житинский

Часы с вариантами

*Часть сборника
Лестница (сборник)*

Александр Житинский

Часы с вариантами

«Геликон Плюс»

1985

Житинский А. Н.

Часы с вариантами / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1985

«Сегодня по календарю 24 июля 1985 года. Это означает, что ровно через неделю мне снова сдавать экзамены в институт, который я уже однажды кончал, если, конечно, я опять не прыгну вперед или назад. Я знатный прыгун...»

© Житинский А. Н., 1985

© Геликон Плюс, 1985

Александр Житинский

Часы с вариантами

Сегодня по календарю 24 июля 1985 года.

Это означает, что ровно через неделю мне снова сдавать экзамены в институт, который я уже однажды кончал, если, конечно, я опять не прыгну вперед или назад.

Я знатный прыгун.

Интересно знать, сколько мне всего лет? По паспорту, который торчит из кармана джинсов с заложенными в нем двенадцатью фотокарточками три на четыре, мне – семнадцать. Но этот возраст, равно как и сегодняшнее календарное число, имеет смысл для всех людей, только не для меня.

Истинное количество прожитых мною лет теперь подсчитать затруднительно. Я слишком много прыгал туда и сюда. Пришлось бы собирать время по кусочкам. Среди них были совсем крохотные, не больше нескольких часов. Впрочем, поначалу я совсем не фиксировал длительность своих прыжков, так что точно уже не сосчитать. Думаю все же, что я прожил в общей сложности лет сто двадцать.

Меня зовут Сергей Мартынцев. Это абсолютно точно. Я всегда оставался Сергеем Мартынцевым, куда бы ни прыгал и как далеко бы ни залетал. Я убедился, что имя – это единственная абсолютная реальность. Все остальное могло меняться: друзья, любимые, недруги, профессии и жизненные вехи. Даже даты рождения и смерти.

Отец сидит в соседней комнате и смотрит себя по телевизору. Он только что вернулся из Бразилии, сейчас на экране он разговаривает с бразильским сборщиком кофе. Мой отец – журналист. Он почти всегда был журналистом, лишь однажды я застал его военным переводчиком. Но об этом лучше не вспоминать.

Мне довелось похоронить отца. Это было уже в двадцать первом веке, незадолго до столетнего юбилея Советской власти. В «Известиях» поместили некролог, где назвали отца «крупным журналистом-международником». Сразу после похорон я прыгнул назад, не мог этого вынести. Первые дни после смерти отца я разговаривал с ним осторожно, точно с привидением. Он даже подумал, что я заболел.

– У тебя смурной вид, – сказал он.

Еще бы! Знал бы он, что три дня назад я стоял с матерью в траурном зале под звуки скорбной музыки... Но говорить ему об этом бессмысленно. Тогда он точно решит, что я заболел.

Между тем мое поведение не имеет ничего общего с болезнью. И психика у меня нормальная, хотя она-то как раз могла расшататься. Попробуйте поговорить с родным отцом наяву после его смерти или, очутившись в одной комнате с незнакомой женщиной, вдруг узнать, что это ваша жена. Впрочем, об этом после.

Здесь я намерен рассказать о своей жизни, точнее, о своих жизнях, ибо их у меня было довольно много. Дело даже не в том, что они были интересны. Просто мне довелось заскакать туда, куда вам еще предстоит дойти. Я не утверждаю, что вы непременно туда придете. Все зависит от конкретного пути, а путей, как я убедился, бесчисленное множество. Однако совпадение не исключено.

Эта история началась год назад... Снова я вынужден остановиться, чтобы пояснить, что на самом деле она началась давным-давно, много жизней назад, однако по календарю это произошло в восемьдесят четвертом году. Должен также предупредить, чтобы вы не слишком доверяли словам «на самом деле». Никакого «на самом деле» нет, как вы сможете убедиться.

Одним словом, когда мне впервые исполнилось шестнадцать лет, ко мне пришел дедушка.

Я был в комнате один, заканчивались весенние каникулы; я лежал на тахте в стереонаушниках и слушал пластинку «Обратная сторона Луны» группы «Пинк Флойд». Она немного устарела, но по-прежнему нравилась мне. Отец был в Японии, мама на работе. Часы показывали половину двенадцатого.

Вероятно, деду открыла Светка. Она тогда ждала ребенка, моего племянника Никиту, о котором позже, и целыми днями сидела дома, плача от страха. Светка на три года старше меня.

Дед вошел неслышно. Впрочем, даже если бы он топал, как слон, я все равно ничего бы не услышал, как раз было громкое соло Ричарда Райта на органе. Дед подошел ко мне и снял наушники с моей головы. Я удивленно вытаращился на деда.

Причин удивляться было несколько. Во-первых, дед приезжал к нам крайне редко. У него были натянутые отношения с отцом, как я понимаю, не оправдавшим его надежд. Журналистика для деда – занятие суетное и малопочтенное. Мой дед был контр-адмиралом в отставке. Он жил один, вернее, после смерти бабушки ему помогала пожилая женщина Антонина Степановна. Дед звал ее экономкой.

Во-вторых, дед явился в форме. Я не видел его в мундире довольно давно, с детства, когда дед еще командовал кораблями и флотилиями. Это впечатление глубоко врезалось в память, особенно адмиральский золотой кортик, болтавшийся на боку.

Выйдя в отставку, дед надевал мундир только на торжественные собрания, посвященные Дню Победы, где я, естественно, не бывал. Сейчас он был при полном параде и при кортике, необычайно серьезный.

– Здравствуй, Сергей. Поздравляю тебя. С сегодняшнего дня ты – мужчина, – торжественно проговорил он и расцеловал меня. Из наушников на тахте продолжал попискивать «Пинк Флойд».

– Выключи это, – поморщился дед. – Я хочу говорить с тобой.

Я насторожился, ожидая очередного воспитательного разговора, которыми потчевали меня родители перед шестнадцатилетием. «Ты становишься взрослым, пора подумать о будущем...» И прочее в том же духе. Мне это все порядком осточертело.

Дед уселся на тахту рядом со мной и с минуту молчал, положив руку мне на плечо. Я почувствовал, что рука дрожит.

Затем он с усилием отстегнул кортик и положил его на ладонь.

– Вот тебе мой подарок. По Уставу личное оружие остается в семье. Мне скоро уходить, я хочу, чтобы он принадлежал тебе.

– Ну зачем ты так, дед... – вяло возразил я.

– Я знаю, что говорю.

Я принял кортик. Он был прохладен и тяжел. Я нажал на кнопочку у эфеса и вытянул лезвие из ножен. Оно было покрыто тончайшим слоем желтого масла. На рукоятке стояли три буквы: «Р. Д. М.» – Родион Дмитриевич Мартынец.

– Но это не главное, – сказал дед, поднимаясь с тахты.

Я с интересом следил за ним. Дед был невысок и худ, последние годы он как-то усох, мундир на нем болтался. Седая короткая стрижка, множество морщин на лице, но глаза ясные и живые...

– Встань, Сережа. Сейчас ты обалдеешь, – сказал он и подмигнул мне. Я действительно обалдел. Не думал, что дед способен произносить наши слова. Обычно он был велеречив.

Я послушно встал. Дед был мне по плечо. Он испытующе, с хитрецей взглянул на меня снизу вверх, будто старый пират, открывающий юнге тайну клада, зарытого на далеком острове сорок лет назад.

В сущности, так оно и было. К сожалению, ничего в этом нет смешного, как выяснилось за прошедшую жизнь.

– Эк ты вымахал, – сказал дед, одновременно с восхищением и неудовольствием.

Он оглянулся на дверь и с воровским видом запустил сухую ладонь во внутренний карман адмиральской тужурки. Когда он вынул руку, в ней был небольшой, круглый, тускло поблескивающий предмет.

Щелкнула крышка, и я увидел циферблат старинных часов с тонкими резными стрелками и делениями по кругу до 24, а не до 12, как это обычно бывает. По левую и правую сторону циферблата располагались окошечки календаря. На календаре стояли число, месяц и год, соответствующие происходящим. Стрелки часов приближались к двенадцати, хотя казалось, что к шести, потому что цифра 12 находилась на месте шестерки обычных часов.

– Нравится? – спросил дед, заглядывая мне в лицо.

Я кивнул, хотя, честно говоря, особого восторга не испытал. Часы как часы. Кортик потряс мое воображение значительно сильнее. Я уже прикидывал, как после каникул понесу его в школу и покажу ребятам.

Вдруг дед убрал вниз ладонь, на которой покоились часы, но они остались висеть в воздухе на том же месте. Я остолбенел.

– Видишь? Они ничего не весят, – удовлетворенно проговорил дед и легонько толкнул часы указательным пальцем. Они плавно поплыли по воздуху.

Такие фокусы я раньше видел только по телевизору, когда показывали репортажи с борта орбитальной станции «Салют» и космонавты демонстрировали состояние невесомости, пуская по воздуху разные предметы. На Земле это выглядело чудом.

– И это не самое главное, – сказал дед, ловя часы и захлопывая крышку. В момент щелчка окружающее пространство как бы дрогнуло, будто от бесшумного взрыва.

Первой моей мыслью было: дед на старости лет увлекся фокусами, стал иллюзионистом-любителем. Вторая мысль была еще хлеще: дед спятил. Его рассказ блестяще это подтвердил.

Дед сказал, что часы волшебные. Слышать это от старого человека в парадной адмиральской тужурке было дико. По словам деда, волшебство часов заключалось в следующем. Во-первых, они всегда шли абсолютно точно, не требуя завода. Во-вторых, если попробовать перевести стрелки и календарь, для чего сбоку имелись три маленькие головки, а после захлопнуть крышку, то в то же самое мгновение наступало время, показываемое часами.

– Где? – тупо спросил я.

– Что – где? – рассердился дед.

– Где наступает время?

– В пространстве, – он обвел рукой комнату.

– В каком?

– Ну, во Вселенной, – скромно пояснил дед.

Таким образом, это были часы обратного действия. Не время указывало им, какой год, месяц, день и час должны стоять на циферблате, а они управляли временем, предписывая ему, каким быть.

Дед получил эти часы в наследство от своего отца, моего прадеда. Тот был профессиональным революционером, политкаторжанином, заработал на каторге чахотку и умер в двадцать пятом году. Часы он подарил сыну в день его шестнадцатилетия, за два года до своей смерти.

Дед неторопливо рассказывал, поигрывая часами: то отпускал их – и они плыли в воздухе, по принципу Галилея сохраняя состояние равномерного прямолинейного движения, – то ловил их в ладонь, как муху.

– Почему они ничего не весят? – спросил я, будто это было самым главным.

Вообще говоря, этот факт действительно подтверждал необычность часов, если не был искусной иллюзией. Все остальное нуждалось в проверке. Что, если дед вычитал про часы в какой-нибудь научно-фантастической повести, а теперь меня разыгрывает?

– Я не знаю, – сказал дед. – Я моряк, а не физик. Мне говорили, что время как-то связано с силой тяготения. Вроде бы эти часы являются одним из полюсов гравитационного поля...

– А сколько всего полюсов?

– Не знаю, – отмахнулся дед. – Когда профессиональному военному дают новое оружие, его мало интересует, на каком принципе оно основано. Но он должен досконально знать его возможности: как, где, когда и против кого его следует применять. Понял?

– Какое же это оружие? – возразил я. – Так, игрушка...

– Опасная игрушка, мальчик, – отчеканил дед, глядя на меня почти со злостью. – Ты в этом убедишься. Если, конечно, воспользуешься им. Если осмелишься воспользоваться.

– Еще как воспользуюсь, – сказал я.

Дед снова открыл крышку часов и взглянул на стрелки. Было без двух двенадцать.

– Запомни эту минуту, малыш, – тихим голосом сказал дед. – Полдень двадцать седьмого марта одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Возьми!

Он протянул мне часы. Я взял их. Ощущение было странное: часы одновременно были легки, поскольку ничего не весили, но массивны, так что приходилось прилагать усилие, чтобы сдвинуть их с места. Часы словно сопротивлялись движению, вели себя как живые.

– Непослушные, правда? – неожиданно улыбнулся дед.

– Значит, если переставить их на год назад, щелкнуть крышкой, то будет... – начал вслух размышлять я.

– То и будет год назад, – нетерпеливо перебил дед.

– Мне снова будет пятнадцать... И я окажусь там, где находился ровно год назад? Так?

– Да! Да! И ты, и я, и все. Понимаешь – все! Весь мир, все люди, вся Вселенная окажется там, где они были год назад. В том же положении и состоянии.

– А те, что умерли за этот год? – вдруг спросил я.

– Они воскреснут, – строго сказал дед.

– Ого! – сказал я, уважительно глядя на часы. – А дальше?

До меня еще по-настоящему не доходило.

– А дальше все будут жить снова тот год, который прожили! – закричал он. – Почему ты такой глупый мальчик?!

– И все повторится? Неинтересно.

– А вот и нет! Нельзя дважды войти в одну и ту же реку! Нельзя! Это ты знаешь? Так говорили древние! – кричал он.

– Почему ты кричишь? – обиделся я.

– Потому что в двадцать третьем году, когда отец подарил мне эти часы, я не знал и половины того, что знаешь ты сегодня. Но я был взрослее, – сказал он огорченно. – Может быть, я рано дарю тебе часы?

– Пожалуйста. Можешь не дарить. Не больно-то хотелось...

– Нет уж. Возьми, милоч, – сказал он, отводя мою руку с часами. – Возьми. Подумай, как ими пользоваться. И нужно ли. Подумай.

У него была привычка повторять слова с разной интонацией.

– Я ухожу, – сказал он. – Ухожу. Никто не должен о них знать. Это может повредить тебе... Потом, когда ты помозгуешь над ними, мы поговорим.

– Постой, я же еще ничего не знаю! – взмолился я.

– Я все сказал. Все самое главное. Переставляешь стрелки и календарь, захлопываешь крышечку и... Да! Вот еще что. Держи их крепко вот здесь, если хочешь помнить, что с тобой было до прыжка, – от ткнул себя в шею, туда, где ямочка под кадыком.

– Прыжка? – переспросил я.

– Ну, скачка. Скачка во времени.

Дед пошел к двери.

– Ты сам-то пользовался ими? – спросил я вслед.

– Один раз. Один раз в жизни. Один раз в жизни я вернулся на месяц назад и прожил его заново... Это было давно.

Он хлопнул дверью.

Что бы вы сделали на моем месте? По-моему, человечество можно разделить на две группы. Одни сразу бы схватили часы и попытались проверить их в действии. Другие бы сначала подумали. Я решил подумать.

Я, как и большинство людей моего возраста, любил фантастику и зачитывался Бредбери, Стругацкими, Лемом. Однако читая их книги, я никогда по-настоящему не верил в реальность происходящего. Одно дело фантастика, а другое – реальная действительность.

Я трезво смотрел на мир в свои шестнадцать лет и знал, что левитация, пришельцы и машины времени существуют лишь в воображении фантастов.

И вот я оказался в фантастической ситуации. Причем от моего выбора зависело – использовать ее или нет. Я мог просто-напросто запихать часы подальше, забыть о них и жить себе как жил.

Правда, это было бы еще более фантастично. Иметь в руках такую штуку и не воспользоваться ею!

Я осторожно защелкнул крышку часов, опять ощутив легкое сотрясение пространства, и поволок их к письменному столу. Они сопротивлялись, как рыба на крючке. Судя по всему, их инертная масса была довольно велика.

Я засунул их в ящик стола, закрыл его и сел на стол, будто боясь, что часы могут взлететь вместе со столом. Они вели себя тихо. Дальше я принялся рассуждать.

Дед мой – человек экстравагантный, но склонности к мистификации у него ранее не замечалось. Наоборот, он был правдив и точен во всем, даже пунктуален. Да и зачем ему врать про часы?

Меня так и подмывало проверить их, но я боялся. Нужно было рассчитать все последствия. А как их рассчитать?

Допустим, что это не обман. Если обман, то и говорить не о чем. Допустим, правда. Следовательно, если я сейчас переставлю календарь хотя бы на вчерашнее число, то оно и наступит? Где я вчера был в полдень?

Вчера в полдень я стоял в очереди за пластинкой Челентано в фирменном магазине «Мелодия» на Большом проспекте Петроградской стороны. Я поехал туда к открытию и простоял в очереди два с лишним часа. Со мною был Толик.

Следовательно, если я сейчас хлопну крышкой, то в мгновение ока перенесусь на Большой проспект. И одет уже буду не в домашние тапочки и поношенный трикотажный костюм, а в джинсы, кроссовки и теплую финскую куртку. И Толик тоже окажется там, где бы он сейчас ни был.

Мысль оторвать Толика от его занятий показалась мне заманчивой, тем более что я догадывался, где и с кем он сейчас проводит время.

Да что Толик! Весь мир, все люди, вся Вселенная, как говорил дед, тоже перемахнут во вчерашний день. Те, кто родился за эти сутки, – а таких уйма на Земле, – исчезнут? А те, кто умер – оживут?! Не слишком ли жирно, как говорит моя мама? Чушь. Глухня.

И это все из-за каких-то замшелых часиков, которые тикают сейчас в ящике моего стола? Нет, я не такой осел. Сейчас возьму и проверю, решил я.

Но я продолжал прочно сидеть ни столе и даже ухватился за крышку руками. Было какое-то суеверное чувство, будто кошка перебежала дорогу. Душевные сомнения, так бы я сказал.

А имею ли я право? Может быть, сейчас у кого-нибудь счастье? Вот, например, Толик. Это мне делать нечего, а у него ответственный день. Собственно, чего я прицепился к Толику?

У других дела еще важнее. Производственный план, квартал кончается, а я одним махом уничтожу суточную продукцию страны? За это по головке не погладят. Да и вообще нечестно.

Могу и не на сутки. Могу на месяц, на год! На сколько угодно. На сто лет назад. Интересно, есть ли ограничение по годам в этой машинке? Не вечная же она?

«Стоп! – сказал я себе. – Больше чем на шестнадцать лет назад мне прыгнуть нельзя. Меня еще не будет. Я еще не рожусь, а также не родюсь. Или не рождусь? Черт, у меня всегда с русским были нелады. Короче говоря, туда нельзя».

Таким образом, я выяснил одну границу. Мне можно было гулять во времени, начиная с марта месяца одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, когда я родился.

Обидное ограничение. Значит, к рыцарям-крестоносцам я уже не попаду. Могу, конечно, нажать крышку, пускай история начнется сначала, но мне-то не посмотреть.

Да и в шестьдесят восьмой мне не хотелось. Попаду опять в ясли с этими проклятыми часами. Мама наверняка их отберет...

Еще начнет их крутить и отправит человечество куда-нибудь к черту на куличики. Куда-нибудь к египетским фараонам.

«Стоп! – опять сказал я себе. – Почему я решил, что часы останутся при мне? Я их получил от деда сегодня. В яслях у меня не было никаких часов. Они только что появились. Следовательно, если я хочу прыгнуть в прошлое, оставив при себе часы, я не должен переходить границы полудня сегодняшнего дня».

Вот почему дед просил меня запомнить эту минуту! Конечно, можно прожить детство сначала и дожждаться, когда дед снова мне их подарит. Но это же сколько ждать!

А как быть с памятью? Буду ли я помнить, что было со мной до скачка? Дед сказал – буду, если держать часы в момент переключения вот тут, у шеи. А все остальное человечество? Вопросов было выше головы.

Была не была! Я понял, что рассчитать все не удастся, и выдернул ящик письменного стола. Часы плавали там, как рыбка в аквариуме. Я схватил их и открыл крышку. Чтобы все-таки обезопасить себя от возможных неожиданностей, я решил вернуться во времени немного назад, причем в такой момент, про который я точно помнил – где, как и с кем я находился. Такой момент долго искать не пришлось. Я вспомнил, что десять дней назад перед последними тремя уроками мы стояли в коридоре и гадали, какие темы принесет Анна Ильинична на четвертое сочинение по литературе.

Я поставил нужное число и время – без пяти двенадцать, – приложил часы к ямочке на шее и, не раздумывая, обеими руками резко надавил на крышку.

Ощущение было незабываемым.

Все продолжалось доли секунды, однако я успел зафиксировать начальную фазу скачка, пока меня не смыло пространством прошедшего времени.

Одновременно со шелчком произошло уже знакомое мне легкое содрогание, и тут же вокруг часов стала быстро разрастаться поверхность чечевичной формы, будто от них отделялась оболочка. Внутри этой поверхности я успел заметить зеленое сукно письменного стола, на котором покоились часы, рядом – угол чернильного бронзового прибора, будто вдвигавшегося внутрь поверхности ниоткуда, и дедовский мундштук. Пальцы мои и часть груди у шеи уже были смыты распухавшей чечевицей, через миг исчез подбородок, нос, в то время как внутри поверхности продолжал возникать кусок письменного стола в дедовском кабинете – он торчал из моего тела, съедая его с огромной быстротой раздвигавшейся чечевичной поверхностью. Еще мгновение – и поверхность достигла глаз. Я перестал видеть, последовало несколько сотых долей секунды полной темноты, и вдруг я оказался в школьном коридоре среди своих товарищей, возникнув, как и они, на границе раздела двух пространств, раздвигающейся с гигантской скоростью.

– ...инична даст Наташу Ростову. Вот увидите, – сказал Толик.

– И князя Андрея, – авторитетно добавил Макс.

– А я к Пьеру готовилась. Хоть бы Пьер был! – заволновалась Марина.

«Все точно, – отметил я про себя. – Эти реплики имели место». Я прикрыл веки, сжал пальцы, как бы концентрируя мыслительную энергию, и с расстановкой произнес:

– Значит, так. Темы будут такие: «Образы Кутузова и Наполеона как отражение исторических взглядов Толстого», «Философия Платона Каратаева и ее связь с толстовством» и «Русский солдат в изображении Толстого».

Меня дружно осмеяли. Никто не напомнил мне, что в первый раз я тоже голосовал за князя Андрея.

Через пять минут в класс вошла Анна Ильинична и написала на доске названные мною темы. Слово в слово. Все онемели и дружно повернулись ко мне.

– Откуда ты знал? – прошептал Макс.

– Интуиция, – пожал плечами я.

– Ну ты логопед! – произнес он свою любимую присказку.

Анна Ильинична, как она потом объяснила, решила проверить самостоятельность нашего мышления, почему и залепила такие зверские темы. Конечно, никто не был готов, кроме меня, потому что я прекрасно помнил разбор сочинений, устроенных ею два дня спустя.

«Заодно и четвертную отметочку исправлю!» – подумал я, принимаясь строчить про Кутузова и Наполеона.

В первый раз я писал о русском солдате и получил тройку за содержание и четыре – за грамматику.

Через два дня я узнал, что получил «отлично» за содержание и ту же четверку за грамотность. В четверти вышла пятерка. Остальные имели те же оценки, что в первый раз.

За десять дней, предшествовавших моему второму шестнадцатилетию, я заслужил репутацию прорицателя. Ситуации повторялись одна за одной, и мне не стоило никакого труда предсказывать их.

– Вот смотрите, – говорил я в кино, как всегда прикрыв глаза и сжав пальцы в кулаки, – сейчас войдет рыжий щербатый мужик на костыле.

Через минуту в фойе входил рыжий щербатый мужик на костыле.

– Завтра химичка спросит тебя, тебя и тебя, – указывал я пальцем. – Готовьтесь.

На следующий день их спрашивали, они получали пятерки, изумленно благодарили.

Таким образом мне удалось повесить четвертные оценки не только себе, но и нескольким своим товарищам. За мной ходил хвост. Канючили, не переставая:

– Мартын, а что у меня будет в четверти по биологии?

– Серега, «Зенит» завтра выиграет?

– Проиграет ноль-один, – отвечал я.

В последний день четверти ошеломленные одноклассники потащили меня к нашей воспитательнице Ксении Ивановне. У нас с нею доверительные отношения.

– Ксения Ивановна, Мартынцев у нас пророк! – объявил Макс.

– Кто? – испугалась она.

– Прорицатель. Предсказывает будущее!

– Как же он это делает?

– Интуицией, – сказал Толик.

– Ах вот как? Тогда, Сережа, предскажи, пожалуйста, когда мне позвонит моя Катя. Она уехала с ансамблем в Таллинн, обещала позвонить. Я должна быть дома.

Тут я влип. Дело в том, что этого разговора в предыдущий раз, естественно, не было; я понятия не имел о Кате и ее гастролях в Таллинне. Тем более не догадывался, когда ей вздумается позвонить своей маме.

– В семь вечера, – наобум брякнул я.

И конечно, ошибся. Катя звонила в пять, когда Ксении Ивановны не было дома, а потом в одиннадцать вечера. Об этом узнал Макс, специально позвонивший ей на следующий день, чтобы узнать результат эксперимента. Репутация несколько пошатнулась.

Начались каникулы. Я виделся преимущественно с друзьями – Максом и Толиком. Жизнь моя, в общем, текла по тому же руслу, что в первый раз, но с небольшими отклонениями. Иногда я нарочно их устраивал. Помня, что в субботу ходил на дискотеку в ДК связи, на этот раз не пошел. Ничего не изменилось.

Я напряженно ждал дня рождения. Я снова хотел стать обладателем часов. За три дня позвонил деду, поинтересовался здоровьем.

– Тронут, – насмешливо сказал дед. – С чего вдруг такая внимательность?

Накануне дня рождения я слегка поправил свое реноме пророка, точно предсказав пластинку Челентано, которую мы с Толиком и купили в магазине «Мелодия».

Утром двадцать седьмого марта, выслушав поздравления мамы и Светки и получив от них в подарок ту же фирменную запечатанную японскую кассету, я стал ждать деда. На этот раз оделся получше, прибрался в комнате.

В половине двенадцатого дед не пришел. Не явился он и в двенадцать. Его не было в час, в три, в пять. Я извелся. Хотелось позвонить ему и напомнить. Очень мило получится! Так, мол, и так, дедушка, ты мне часики забыл подарить. Где они? Дед позвонил в шесть часов.

– Поздравляю тебя, мой мальчик, – сказал он слабым голосом. – Ты не мог бы зайти ко мне? Я приготовил тебе подарок.

Я помчался к нему сломя голову.

Я люблю бывать у деда. У него много старых вещей, старинная тяжелая мебель, маленькая картина Айвазовского. Все это испокон веку хранилось в семье, а не куплено в комиссионном, как у Толика. Его отец, директор овощебазы, года два назад свез на дачу всю новую мебель и стал покупать старинную. Толик рассказывал, что сейчас он гоняется за довоенным репродуктором – такая черная бумажная тарелка. Готов заплатить за нее сто рублей.

У деда есть этот репродуктор. Он слушал из него речь Молотова в первый день войны.

Но особенно мне нравится фонола. Это такой инструмент начала века, по виду похож на маленькое пианино. У нее есть клавиатура и несколько ножных педалей. Играть на фоноле может каждый, точнее, она играет сама, а ты только изображаешь игру, нажимая пальцами на клавиши. В фонолу запроваляются специальные ноты – листы с дырочками, а ножные педали регулируют громкость и быстроту воспроизведения. У деда целая кипа нот – Бах, Бетховен, Шопен. Я люблю играть «Элизе» Бетховена. Жаль, что нет ничего современной: неплохо было бы сыграть партию Джона Лорда из «Дип Пепл», но и Бетховен сойдет.

Я хотел бы стать музыкантом в знаменитой команде. Но я не умею играть, только тренькаю слегка на гитаре. Фонола для меня самый подходящий инструмент.

Дед выглядел больным. Он был в домашнем вельветовом потертом костюме, нечто вроде пижамы. Вообще, все было не так торжественно, как в прошлый раз.

Он опять объяснил мне про часы. Они лежали на письменном столе рядышком с чернильным прибором, придавленные канцелярской скрепкой, чтобы не взлетели. Прямо над ними на стене висел золотой адмиральский кортик.

– Ой, как болят сегодня ноги! – пожаловался дед.

Я вдруг подумал, что деду ничего не стоит воспользоваться часами и вернуться в те времена, когда у него не болели ноги, когда он стоял на мостике военного крейсера в адмиральской форме с золотым кортиком на боку. Почему он этого не делает? Зачем дарит часы мне?

– Ты все понял? – спросил он. – Не забывай прикладывать их сюда, – он указал на шею.

– Я знаю, – кивнул я.

– Откуда?

– Ты мне уже дарил, – сознался я.

Дед с минуту смотрел на меня. Затем печально покачал головой.

– Значит, ты уже попробовал?.. В таком случае мне говорить больше не о чем. Упражняйся дальше. Только не заставляй меня дарить их тебе до бесконечности. Пожалей старика. Отвертеться тебе не удастся. Я решил подарить часы тебе еще до твоего рождения.

Мне показалось, что он огорчен.

– Ступай, Сережа, – сказал дед.

Я с тоской посмотрел на кортик. Дед явно не собирался сегодня дарить его мне.

«Вот и попробовал! – думал я, возвращаясь. – Остался без кортика. Но зато часики при мне!» Тогда я еще не знал, что за все свои прыжки надо платить.

Из первого опыта я извлек несколько важных следствий. Следствие первое: все люди, возвращенные в прошлое силою часов, проживают его повторно как впервые, не помня о том, что оно уже однажды было. Все, кроме меня. Даже дед, многолетний обладатель часов, не заметил, что я заставил его дважды прожить прошедшие десять дней.

Следствие второе: прошлое не повторяется в точности, с фатальной неизбежностью. Иными словами, время не обладает свойством детерминированности, если пользоваться точными терминами. Это и понятно – я вношу в него возмущение своей памятью. Проживая прошлое повторно, я могу его корректировать, то есть влиять на ход времени. Значит, можно исправлять ошибки.

Эта мысль мне понравилась. Можно не бояться, жить начерно, а потом, узнав результат, переписывать жизнь набело.

Правда, может измениться и не только то, что зависит от меня. Дед ничего не знал о моем прыжке, однако не подарил мне кортик, не пришел ко мне, а пригласил, то есть сделал не совсем то, что в первый раз. Значит, на общий закономерный ход времени накладываются случайные флуктуации.

Я почувствовал себя исследователем Времени. Мне нравилось применять к нему понятия, почерпнутые из курса физики.

Следствие третье: природа времени совсем не та, что представлялась мне раньше. С этим еще предстояло разбираться. Я смутно догадывался, что мне предстоит изменить взгляды на причинность.

Но пока меня занимали конкретные вопросы: что делать с часами дальше? Я чувствовал себя «как дурак с писаной торбой». Так любит выражаться моя мама.

Это сейчас, исходивши Время вдоль и поперек, я мыслю философскими и физическими категориями. Тогда в голове был полный туман и неумная жажда извлечь из часов практические выгоды.

Для начала я решил накопить небольшой капитал времени, куда можно было бы возвращаться, не рискуя потерять часы, то есть не заставляя деда дарить их снова.

Через несколько дней, прожитых как на иголках, я начал легкие упражнения с часами, прыгая исключительно назад. Я стремился растягивать удовольствия.

Например, когда мама приносила домой что-нибудь вкусненькое: орешки, торт или купленные по случаю бананы, – я съедал свою долю и тут же прыгал назад минуток на пятнадцать, чтобы съесть лакомство снова.

Банку сока манго я выпил пять раз подряд, и хотя аппетит остался прежним, в результате возникло отвращение к соку манго, чисто психологическое. Также не приносили желаемого удовлетворения повторные прослушивания хороших записей у знакомых и просмотр детективов по телевизору. Насыщение наступало быстро.

Это была стрельба из пушки по воробьям. Я быстро понял, что мелкие цели ведут к мелким результатам. Необходимо было выработать жизненный план, сообразуясь с наличием часов.

Но я все откладывал разработку жизненного плана. Пока меня занимали фокусы. Особенно нравилось разыгрывать Светку. Ее муж Петечка, с которым она раньше училась в школе, служил в армии и время от времени звонил ей из Шауляя. Услышав очередной звонок Петечки, я засекал время, потом отпрыгивал назад минуток на пять, шел к сестре и спрашивал:

– Хочешь, сейчас Петька позвонит?

– Ой, конечно!

– Пожалуйста! – я широким жестом указывал на телефон, и тот начинал звонить.

После двух таких импровизаций Светка стала приставать, чтобы я снова организовал звонок. Это было не в моих силах.

– Нет настроения, – говорил я. – Понимаешь, на это затрачивается психическая энергия...

– Серенький, ну пожалуйста!

– Попробую. На днях... – обещал я.

Наконец он позвонил. Светка пришла после разговора надутая:

– Видишь, он сам позвонил. Без твоей помощи.

«Посмотрим, что ты скажешь через пять минут!» – думал я, нащупывая часы в кармане.

Через пять минут, совершив прыжок и разыграв спектакль предсказания звонка, я удаивался восторженного поцелуя сестры.

Скоро я стал замечать, что предсказания приносят мне все меньше удовольствия. Напротив, стало явственно вырисовываться чувство определенного неудобства, я бы даже сказал – стыда. Наблюдая, как простодушно изумляются или радуются мои друзья и близкие при повторе жизненного момента, как они волнуются, я чувствовал себя подлецом. Я знал результат заранее. Все равно что смотреть запись футбола по телевизору, зная счет, когда рядом искренне волнуется товарищ, не знающий этого счета.

Я решил прорицать только в случаях крайней необходимости, когда есть возможность реально помочь людям.

Такой случай представился.

Макс в воскресенье утром поехал с отцом на подледный лов. Была середина апреля. По радио предупреждали, что выход на лед опасен.

В понедельник, придя в школу, Макс сообщил, что на его глазах оторвало льдину с пятью рыбаками, среди которых был друг отца. Льдину унесло в залив. Рыбаков искали вертолеты, но не нашли. Вероятно, все утонули.

После уроков я отправился домой и перевел часы на два дня назад, чтобы сообщить Максиму о возможном несчастье.

– Туда, куда вы собираетесь, ехать нельзя. Может оторвать льдину, – сказал я.

– Ты точно знаешь? – обеспокоенно спросил Макс.

– Точно.

Моя репутация прорицателя была настолько велика, что он не осмелился спорить.

– А куда мы едем? – спросил он.

– Как куда? На рыбалку.

– В какое место? Мы с отцом еще не знаем. За нами должны заехать.

«Вот тебе и раз! – подумал я. – Я же забыл спросить у него, где они были».

– Никуда нельзя. Сидите дома, – сказал я. – И другим скажите.

– Да это и по радио говорят. Все равно все едут... – засомневался Макс.

– Я тебе говорю – пятеро утонут! – разозлился я.

– И мы с отцом? – поинтересовался он.

– Вы – нет, – неохотно признался я.

– Тогда какого черта! Мы едем.

– Слушай, ты! Сиди дома, говорят! И особенно посоветуй сидеть дома приятелю отца! Он, считай, уже труп! – заорал я, не зная, как его убедить.

Макс испугался, обещал поговорить с отцом, хотя сомневался в том, что тот поверит моим предсказаниям.

Мы вышли из школы.

– Слушай, а может, обойдется? – с надеждой спросил Макс.

– Пятеро утопленников. Я сказал, – прохрипел я, как Жеглов в кинофильме «Место встречи изменить нельзя».

Внезапно я заметил на улице скопление народа. Стояла милицейская машина, рядом грузовик. Отчаянно визжа, к месту происшествия летел рафик «скорой помощи». Мы с Максом поспешили туда.

Когда мы подбежали, в открытый рафик вдвигали носилки. На них лежала девочка. Ее только что сбил грузовик.

– Видишь! А ты не веришь, – сказал я Макс.

– Так это же... – опешил он.

Я вернулся домой злой. Делаешь людям добро, а они не хотят верить! Но что-то еще сидело в душе. Какая-то зловещая догадка.

И вдруг меня осенило. Девочка! В прошлую субботу, до прыжка, мы с Максом не видели никакого уличного происшествия. Правда, мы с ним и о рыбалке не разговаривали. Тогда мы просто собрали портфели и пошли домой. Может быть, девочку сбilo позже? Вряд ли... Если бы возле школы случилось такое, нам бы наверняка сообщили об этом в понедельник, чтобы еще раз напомнить о необходимости соблюдать правила движения. Выходило, что это я убил девочку своим возвращением назад. Рыбаков спас или не спас – еще неизвестно, а девочку уже угробил. Вот она, непредвиденная флуктуация хода времени...

Я схватил часы и опять полетел назад, в школу. Во времени, разумеется. На этот раз я не стал предупреждать Макса, а сразу повлек его за собою на улицу.

– Куда ты летишь? – недоумевал он, едва поспевая за мною.

– Нужно предотвратить несчастье!

Мы прибежали к тому месту и проторчали там битый час, кидаясь на всех мало-мальски похожих девочек, дабы предотвратить беду. При этом едва не угодили в милицию. Происшествия не случилось, однако я не уверен, что благодаря нам. Неизвестно, проходила ли мимо та девочка. Неизвестно, проезжал ли тот грузовик, ибо номера я не запомнил. Может быть, в этом повторе времени девочка пошла по другой улице? Откуда я знаю!

«Да, это тебе не повторение гола по телевизору, – подумал я. – Тут все тоньше».

Макс негодовал.

– Может, ты скажешь, наконец, чего мы здесь мечемся?! Чего ты бросаешься на третьеклассниц?!

– Мы спасли человека, – сказал я ему, вытирая пот. – Теперь спасем еще пятерых.

– Ну ты логопед... – протянул он.

И я начал снова рассказывать про льдину, убеждать. На этот раз Макс практически мне не поверил, но обещал все же сказать отцу об опасностях подледного лова в апреле. Настроение у меня было испорчено на два дня.

В повторный понедельник Макс, сияя, рассказал, что они все же ездили на Финский залив, никого не оторвало, никто и не думал тонуть.

– Вот так, прорицатель! – сказал он язвительно.

Этот случай заставил меня крепко подумать о своих возможностях. Не переоцениваю ли я их? Заманчивая перспектива стать благодетелем человечества, исправлять роковые случайности на поверку оборачивалась томительной беготней по времени, таким мельтешением; причем когда я довел этот вариант до логического конца, то получилось, что я вообще не смогу

двигаться дальше, буду вечно торчать, а вернее, дрожать возле какого-то момента времени, хотя бы в ту же прошедшую субботу.

В самом деле, на Земле ежедневно происходит масса роковых случайностей и катаклизмов, печальных последствий которых можно было бы избежать, если бы знать о них заранее. В ту же субботу, то есть уже в повторную субботу, сидя у телевизора и размышляя о своей миссии в истории, я узнал из программы «Время» о землетрясении в Перу. Погибло несколько тысяч человек.

По идее мне нужно было опять прыгать назад и посылать срочную телеграмму в Перу, или в ООН, или не знаю куда с предупреждением об опасности. Даже если предположить, что мне сразу и безоговорочно поверят, что тоже представлялось сомнительным, я не мог гарантировать эффективности своего шага. В тот повторный отрезок времени, когда в Перу могли спать спокойно, убежав подальше от эпицентра, на Земле случились бы другие роковые события, которых в первый раз не произошло. Тут полная аналогия с девочкой, попавшей под машину. Выходило, что я одной рукой спасал, а другой убивал. При этом спасал я погибших случайно, по воле небес, как говорится, а те, кто умирал при повторе событий, были исключительно на моей совести. Ведь они уже благополучно проскочили данный отрезок времени и лишь благодаря тому, что я заставил их жить вторично, попали в страшную переделку.

Я футбольный болельщик, хотя и не принадлежу к «фанатам», заполняющим тридцать третий сектор стадиона имени Кирова. Так вот, рассматриваемую ситуацию можно сравнить с повторным пенальти, когда вратарь взял мяч, а судья просит перебить. Конечно, при повторе мяч влетает в сетку. Мне всегда обидно за вратаря, я ему сочувствую.

Мог ли я по своей воле уподобить тысячи людей на Земле этому вратарю, уже взявшему мяч, но проигравшему при повторе?

Мне вспомнились два крылатых изречения, как нельзя лучше подходящие к моим выкладкам. «Благими намерениями вымощена дорога в ад» и другое, попроще: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Это цинизм, согласен. Ведь речь идет о человеческих жизнях. Но это честный цинизм.

Я решил не взваливать на себя обязанности врача-реаниматора «скорой помощи», тем более что моя «скорая помощь» мчалась к больному так неосторожно, что по пути наносила увечья здоровым.

Кроме того, в одиночку всюду не поспеешь. Мои альтруистические порывы на деле выглядели бы так: предупредил кого-то, спас, узнал о новом несчастье, прыгнул назад, предупредил, узнал, прыгнул, предупредил, узнал... И так до бесконечности.

«Прыг-скок, прыг-скок – обвалился потолок», как поется в одной милой песенке.

Мне страшно было подумать только об одном: что же будет, если беда случится с близким человеком? Однако проще решить, чем сделать.

Первые недели обладания часами, изрядно растянувшиеся для меня из-за бесконечных повторов, уже создали мне непререкаемый авторитет человека, предсказывающего будущее.

Странно, правда? Я знал только прошлое, а выходило, что угадывал будущее.

Ко мне беспрестанно обращались за пророчествами. Сначала мои одноклассники, потом их родители, потом друзья родителей... Популярность росла, как снежный ком. Я стал домашним пророком. Убедившись, что мои предсказания точны, ко мне валом повалили люди, беспокоящиеся о своем завтрашнем дне.

Людей чрезвычайно интересует будущее. Даже такой пустячок, как прогноз погоды на завтра, заставляет многих досматривать программу «Время» до конца. Несмотря на строгую научность синоптических прогнозов, это все равно выглядит маленьким чудом: вчера сказали, что сегодня пойдет дождь, и он в действительности пошел.

Я стал синоптиком времени, если можно так выразиться. Мой метод был уныл и прост: желающий знать прогноз сначала получал мое уклончивое обещание помочь. Затем я ждал

вместе с ним – что будет, отпрыгивал в исходную точку и сообщал результат. Свалится ему на голову кирпич или нет, какое место завоюет он на соревнованиях по пинг-понгу и любит ли его Маша.

Я брался только за краткосрочные прогнозы, потому что долгосрочных замучаешься ждать. День-два, не более.

Очень быстро начала раздражать мелочность запросов от будущего. Помню, позвонила одна дама, дальняя родственница знакомых Толикиного отца. Ее страшно интересовал вопрос: можно ли ей надеть сегодня в театр новое французское платье?

– Надевайте, в чем дело, – сказал я.

– Сереженька, вы еще молоды, вы не совсем понимаете... Платье очень оригинального покроя, но не пошитое на заказ, а купленное в магазине. Если в театре будет еще хотя бы одна женщина в таком же платье – это будет для меня удар!

– Смело надевайте, – посоветовал я.

В полночь она снова позвонила со слезами и угрозами. Оказывается, она наткнулась в театре на свое платье. Премьера была испорчена к чертям собачьим.

Я тут же возвратил время к нашему первому разговору, дождался ее звонка и отчеканил:

– Ни в коем случае не следует надевать это платье. Там будет другая мырма в таком же.

На следующий день она прислала мне через Толика коробку конфет.

Я завел специальную записную книжечку, где регистрировал точное время заказа, чтобы не терять ни минуты при возвращении. Теперь я прыгал точно к разговору с заказчиком, прямо к своей прорицающей фразе. И все равно эти скачки утомляли. Создавалось впечатление, что я не живу, а топчусь на одном месте. Я понял, что совершил ошибку, став пророком.

Мои родные тоже оказались втянутыми в эту историю. Только не папа. В погоне за международными событиями он все время колесит по земному шару и не всегда успевает следить за внутренними делами.

Так полгода назад он проморгал Светкино замужество, находясь в республике Мозамбик. Светка с Петечкой закончили школу и поступили в институт вместе. В принципе мы догадывались, что они когда-нибудь поженятся, не предполагали только, что это произойдет так скоро. В начале второго курса выяснилось, что им необходимо срочно вступить в брак. Я сначала не понял причины такой спешки, но потом догадался, что у Светки будет ребенок. Папа слал тревожные телеграммы из Мозамбика, пытаюсь понять, что у нас происходит. Наконец мама сообщила ему о свадьбе, и он прислал оттуда самолетом посылку каких-то плодов, названия которых никто не знал. Плоды мы съели.

Вот и теперь, отправившись в Японию, он упустил важную веху в моей биографии. Я понимаю, безработица в Японии много важнее, но и собственный сын нуждается во внимании. Пока я больше видел папу по телевизору в рядах демонстрантов с микрофоном в руках.

Впрочем, я не слишком огорчился. Папа с его деловыми качествами наверняка потребовал бы от меня предсказания международных событий, а я в этом деле не очень силен.

В глазах Светки я вырос до потолка. Раньше она относилась ко мне с легким пренебрежением, считая себя много старше. Особенно заважничала, когда вышла замуж и забеременела. То есть наоборот. Хотя «иметь детей кому ума не доставало». Я ведь классику помню. Петечка это подтвердил, завалив после свадьбы зимнюю сессию и отправившись рядовым в город Шауляй в Литве.

После предсказаний его звонков сестра стала подлизываться ко мне. Ей не терпелось узнать – кто у нее будет: мальчик или девочка?

– А кого тебе хочется? – спрашивал я.

– Девочку.

– Мальчика, значит, будешь любить меньше?

– Да ты что?! Дурак!

– Тогда какая разница? – философски спрашивал я.

Ждать, когда она родит, а потом вернуться назад и сообщить ей результат, было бессмысленным расточительством времени. Поэтому я уклонился от ответа.

Что касается мамы, то с ней сложнее. Она сразу почуяла неладное, лишь только у меня появились часы. А когда посыпались заказы по телефону, мама проявила характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.